

ЖЕНЩИНА В СВОБОДНОЙ БОЛГАРИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ

В докладе рассматриваются описания русскими очевидцами положения женщины в Болгарии в период с 1878 г. и до Второй мировой войны, для чего привлечены описания свободной Болгарии русскими путешественниками и журналистами, эмигрантами и участниками освободительного похода Красной армии 1944 г. Все обращали внимание прежде всего на «турецкие» нравы в свободе женщин — запрет на общение с посторонними мужчинами, постоянное сопровождение взрослыми родственниками-мужчинами за пределами дома, ревнивое отношение к вопросам целомудренности и семейной верности. Аналогичную, ориентальную, характеристику наблюдатели навешивали и на жесткое разграничение сфер деятельности полов — как выразился один из журналистов: «Мне — мышление, деятельность, политика, тебе — кухня, постель, дом, дети». Объяснение частично покоится не только в культурной матрице, которая отпечаталась на болгарях за 500 лет, но и в том, что в основной массе своей Болгария оставалась страной крестьянской, и даже большинство горожан родились в селах. Патриархальность переносилась в город, проявлялась в отрицательном отношении к обнаженным на античный манер статуям и к театральным постановкам, где в центре сюжета лежал адюльтер. По той же причине нравы русских эмигрантов-горожан казались им распущенными — например, у местных жительниц вызывали возмущение пышные юбки русских эмигранток, а местные жители воспринимали официанток и певиц в кафе как представительниц древнейшей профессии. Хотя отдельные черты жизни и были явно ориентальными, в частности запрет на обнажение частей тела. С этим столкнулись не только русские врачи в своей профессиональной практике, но и эмигранты, которые при полевых работах желали оголить торс,

спасаясь от жары. Ярким примером турецкого влияния является разделение в церкви на мужскую и женскую части, а также то, что представители противоположных полов не могли совместно участвовать в трапезе. Примечательно, что все названное русские очевидцы списывали на турецкое влияние, и это говорит о принадлежности описываемых к культуре модерна, а описываемых — все еще к традиционной культуре. При этом динамика на протяжении периода довольно незначительна, что может свидетельствовать с одной стороны об укорененности этих традиций, с другой — о динамике российского/советского общества. ■